

слово Моссовету

СБОРНИК МАПП

ГОСИЗДАТ РСФСР „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ" 1930

к перевыборам

СОВЕТОВ

С—48

Слово Моссовету

СБОРНИК МАПП

ГОСИЗДАТ РСФСР. «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА 1930

14-я типография
„МОСПОЛИГРАФ"
Варгунихина гора, 8.
Заказ № 2081
Мособлит № 18832
Тираж 30.000

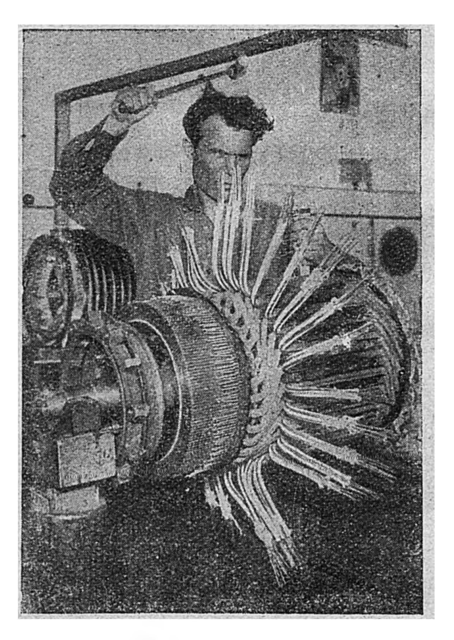
Марш ударника

Анатоль Гидаш

Посвящается призыву рабочих-ударников в пролетарскую литературу

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд.
Прорвется песней алой
Ударный труд.
В труде нам слава и почет —
для нас кирка породу бьет,
Для нас и трактор по полю идет-гудет,
Он песней по полю гудет.
Бей с плеча.
Бей с плеча.
Даешь программу Ильича!
Даешь. Даем. Даешь.
Ведь каждый взмах лопаты —
Ударный труд.
Громит врагов гранатой
Ударный труд.
Старье летит, старье трещит,
В проломы рвется новый быт.
Неразрушимый новый мир построит труд,
Прекрасный мир построит труд.
Бей с плеча.
Бей с плеча.
Даешь программу Ильича!
Даешь. Даем. Даешь.

На сотнях Днепростроев —
Ударный труд.
Мы мощь свою построим,
Ударный труд.
Стоит буржуй за рубежом,
Но уголь наш и сталь его зальют рекой,
Зальют расплавленной рекой.
Бей с плеча.
Бей с плеча.
Даешь программу Ильича!
Даешь. Даем. Даешь.

В сраженьи нет пощады,
Ударный труд.

Весь класс — одна бригада,
Ударный труд.
Все руки бьют в один удар,
Чтоб шире плыл стальной пожар,
Чтоб уголь наш донецкий черной лавой шел,
Чтоб черной лавой уголь шел.
    Бей с плеча.
    Бей с плеча.
    Даешь программу Ильича!
    Даешь. Даем. Даешь.

Пер. Александр Ромм

ГЛЯДИ, ЧТОБ В СОВЕТЫ,
ПРИКРЫВШИСЬ РАБОЧЕЮ КОЖЕЙ,
НЕ ВЛЕЗ БЫ ВРЕДИТЕЛЬ,
С КОНДРАТЬЕВЫМ СХОЖИЙ

Н. Асеев

Сейчас приспособленцев —
что лягушек в луже;
приглядись попристальней,
осмотрись вокруг:
лягушечью живость
и прыть обнаружив,
они —
напоследок —
мечут икру.
Лягва норовит —
в рабочую кожу,
чтоб,
ею прикрыв
нутряную слякоть,
став со своими
в доску схожим,
наше строительство
переквакать.
Завод ли новый
крышею кроем,
хлебом ли выжелтим
равнину голую —

они везде
с болотным хладнокровием
разводят свою
лягушечью меланхолию.
Им темпы строительные
— не в ногу
(к железу в ходу
не пристанет ржа —)
— потише б немного,
полегче б немного
— чуть-чуть бы
ослабить,
едва б задержать.
Отчетной проверки
приходит пора,
пора
холодную плесень содрать их,
пролезшую тайно
в наш аппарат,
работающую на
Громанов
и Кондратьевых.
Нельзя в этом деле
не быть активным,
сильней в'едайся в них,
самокритика.
Чтоб не тужить,
спохватясь: «Ахти нам!»
Состав советов —
с нутра просмотрите-ка.
До самого дна
стремись допытаться,
проверка,
до самых корней протянись:
откуда и как
к руке депутатской

слизью липнет

оппортунизм...

Это

не просто — в душах копанье,

Это нашей стройки девиз:

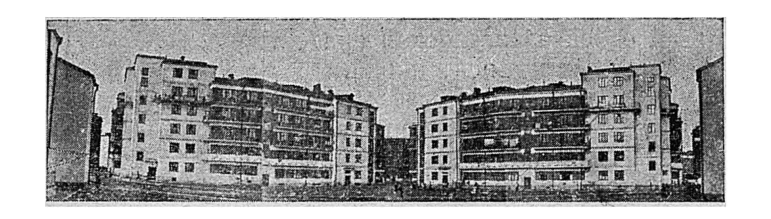
в советы двинься

— перевыборной кампанией —

ударник,

колхозник,

активист.

Новый дом

С. Швецов

Молочной белизною стен
Меня он ослепил вначале.
Мне было стыдно за мою постель,
Скрипучий стол и неумытый чайник.
Вот это дом.
Вот это дом.
Здесь жизнь забьется, верно, не такая.
Всю комнату янтарнейшим желтком
Расплесканное солнце обтекает...
Сижу и думаю: «О, если б все
В такие Евпатории засели».
Но вот ко мне является сосед,
И приглашает... спрыснуть новоселье:
— Вы правы... Да, мы начинаем жить...
Мы выросли, как и не снилось дедам...
Но, знаете, не вредно заложить
По рюмочке перед обедом.
— Нет, я не пью. Я загляну, сосед...—

Вхожу и вижу: против телефона
Во всей своей евангельской красе...
Родимые. В углу висит икона.
Я побывал и у других жильцов.
От строгих стен, от белизны и лоска
Вдруг на меня повеяло гнильцой
И смрадностью России допетровской.
Столетний сор перенесли сюда.
Прикидывая «четверти» и «трети»,
Из-за детей торгуются в судах,
И чахнут желтые, больные дети.
Недавно здесь гудел-гулял топор,
Дом вырастал по кирпичу, по капле...
И вот еще невысохший забор
Позорной живописью испохаблен...
...И помрачнела комната,
Как шахта.
Мои восторги — отданы на слом...
Послушайте, товарищи из жакта,
А вы сказали:
— Ордер в новый дом...

Песня о двух депутатах[1]

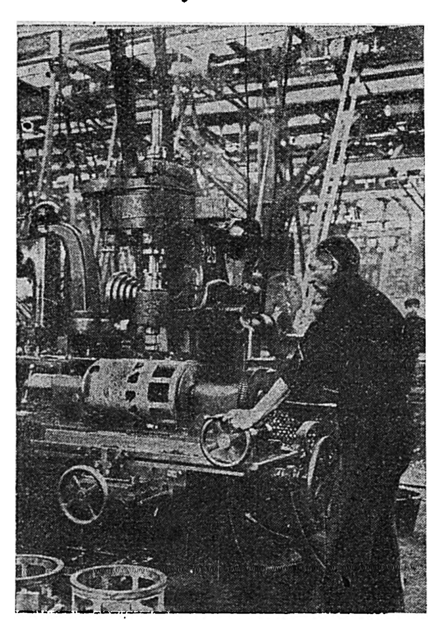
Виктор Гусев

Был мистер Смит жесток в борьбе,
Большевиков в статьях клеймил,
И пригласил его к себе
Директор банка — мистер Хилл.
— Вы мистер Смит?
                    — Да, это так.
— Вы небогаты?
                    — Небогат.

---

[1] Право музыкального воспроизведения закреплено за Радиоцентром.

— Мы вас поддержим!
— Очень рад!
И вот он депутат.
В конгрессе заседает Смит,
Он важен и суров.
За справедливостью следит,
Клеймит большевиков.
Он может провести закон,
Не брезгует подарком он,
И все дают,
и все твердят:
Он нищим был,
а стал богат.
Вот это депутат!

Сумел Петров в цеху своем
Волну бригад поднять,
И мы республикой пошлем
Петрова управлять.
— Рабочий стали?
— Пятнадцать лет.
— Отводы есть? —
— Отводов нет.
— Кто за? —
Все руки вверх под ряд.
— Что ж, секретарь,
пиши мандат.
— Здорово, депутат!
Его история проста:
Он у станка, и вот —
Кривая плана выше ста
Настойчиво ползет.
В завкоме делает доклад,
И все с почтеньем говорят:
— Пять первых мест взяла под ряд
Его бригада из бригад.
Вот это депутат!

Отчет в деревне (Отрывок из романа)

Ф. Панферов

Деловая часть с'езда открылась докладом Жаркова о международном и внутреннем положении Республики Советов. Он свой доклад то-и-дело пересыпал примерами, сравнениями, воспоминаниями из подпольной жизни, из жизни фронта, анекдотами, тем, что он видел и слышал в Алайской волости, и тут же рассказывал про те пути, какие намечает советская власть для поднятия сельского хозяйства. Говорил про социализм, рисуя его так, как ни один мужик не слышал, не представлял, а тут, слушая Жаркова, делегаты и гости начали верить в грядущее, увлекаясь, почвакивали. Но когда Жарков указал на то, что единственным выходом из нищеты и бедствия для крестьянского двора является коллективизация крестьянского хозяйства, по лицам присутствующих побежали улыбки: знаем, дескать, мы эту штуку.

До этого Жарков был похож на рысака в состязании с крестьянской клячей, но, увидав улыбки, он сбился, затоптался на месте, точно перед неожиданной пропастью, и, видя, что делегаты от него отхлынули, и в то же время желая во что бы то ни стало вернуть их расположенность к себе, он рывком, почти бессознательно, наскочил на коммуну «Прогресс», что находилась неподалеку от села Алая на бывшей земле графа Уварова. Он, зло издеваясь, высмеивая коммунаров, передал с'езду

те впечатления, какие получил при посещении коммуны. При в'езде в коммуну его встретила стая собак. Что, разве уж так нужны эти собаки коммунарам? Инвентарь в коммуне, словно после пожара, разбросан по двору, по участку. Живут они в грязных, закопченных, с проваленными половицами, с крысами избах, и кругом грязь, вонь. Народу много, а в поле хлеб гораздо хуже, чем у соседей крестьян.

— От такой коммуны крестьянин, конечно, бежит, и советская власть никогда не советовала создавать такую коммуну... Это не коммуна. Это суррогат. Сушеная тыква, а не сахар.

Участники с'езда и гости слушали его внимательно, то-и-дело прерывали выкриками, смехом, аплодировали, и Жарков вновь увидел, что с'езд целиком в его руках.

А после перерыва словно кто кнутом хлестнул по Алаю,—не успел Жарков пообедать, как нардом был уже переполнен крестьянами. Не умещаясь в нардоме, они толпились по коридорам, около нардома, во дворе, облепили окна, сцену и гудели осами в дупле.

Первое, до чего надо было непременно докопаться, это — кто он такой есть, Жарков, по-старому кто он есть, чин его по-старому.

Рядились, спорили, ругались, и в конце концов все остановились на одном:

— Генерал-губернатор он и есть по-старому.

От такого чина старики разом приосанились, а пчеловод Чижик — маленький, беленький, с болячкой на носу — отряхнулся воробушком.

— Нады бы с хлебом-солью,— заговорил он,— лицо такое большое, а мы табуном приперлись.

—Э-э-э-э-э,— взорвались смехом на слова Чижи-

ка бывшие красноармейцы.— Ты думаешь, тебе с еполетами явится?.. Нет, еполет тебе не видать.

— Я не об еполетах, а, к примеру, обиды как бы не быть.

В коридоре же среди народа — Мигунчик. Он шмыгает из угла в угол бабьими калошами (по бабьим калошам его всегда можно узнать), мигает, отфыркивается подстреленным зайцем.

— Посмотрим, послушаем, что нам губернатыр наплетет. Плести-то они все мастера. Слыхал я этого Жаркова в губернии. На площади плел, плел, потом на автомобилю сел и укатил в ристоран... чай, с девчонками...

— Ты этого говорить не можешь,— сорвался на него комсомолец Горка.— Он ответственный работник, а ты слова на него такие. Спекулянт!

— Я ведь с тобой не говорю. Не говорю ведь с тобой. Не трогаю тебя,— залалакал Мигунчик и зашмыгал калошами в другой угол.

... Молча, утонув в людском гуле, в углу, около Захара Катаева сидел Скулов. Вдруг он вскочил, сунулся к Захару:

— Ты, слыш-ка, Захар Вавилыч. Он, слыш-ка, Жарков этот, манифест привез...

Такая мысль только что взбрела в голову Скулова, и он сразу уверовал в нее.

— О чем? — тихо спросил Захар.

— А чтоб,— запнулся Скулов,— чтоб нашему брату по лошади... Что, не веришь?.. Правды, сказывали, что нашему брату по лошади, семян и еще чего-то... Тогда я коровку-то продавать и не буду.

— Болтают, — проговорил Захар и направился за стол президиума.

Скулов сжался, и мысль о манифесте разом вылетела из головы, топором тоска на сердце повисла — засосало. Уставился на сцену и жадно следил

за появлением Жаркова... Жарков вышел из-за кулис. Навстречу ему бурей понеслись хлопки, выкрики, гам. Все задвигались, кинулись по своим местам... Несмотря на то, что Жарков к аплодисментам привык так же, как телеграфный столб к проводам, мужицкие хлопки взволновали его, и он некоторое время, радостный, поправляя очки, смотрел на делегатов и, только когда гул чуть смолк, заговорил:

— Товарищи. Сейчас мы приступим ко второму вопросу нашей повестки — к отчету вика.

В зале некоторое время молчали, потом заворчали, точно из-под пола, потом трубой:

— Жаркова!

— Жаркова давай!

— Товарищи,— вскочил секретарь вика.— Товарищ Жарков не могет больше... устал как человек... и время теперь рабочее... Понятно?

— Жаркова!

— Жаркова!

— Проси!

— Давай!

— Перетерпим!

— Поле не убежит!

Голоса гостей, делегатов сливались в общий гам, забились в бревенчатых стенах нардома... А тут еще комсомолец Горка чуть не по головам делегатов пробирается к окну и во что бы то ни стало хочет поправить свалившееся знамя.

— Не нады!

— Чего ты тут...

— Глядеть оратору неудобно,— кричит Горка.— Знамя окно заслонило... Обязательно поправить... Гражданин! Ты!

— Не нады!

— Удобно!

— Не нады, говорят.

— Пусти — не стеклянный.

— Везде лезешь.

— Хоть тут дай покою.

— Эх, какие вы, граждане! — И обратно, стукая руками о спины делегатов, пробирается Горка.

И вновь выступил Жарков.

●

... Так прошли два дня... И казалось, то буйство, та злоба, разразившиеся при выборах президиума, улеглись, и лица делегатов, гостей расползлись в довольной улыбке... Только одно чувствовал Жарков, что почти все коммунисты, особенно коммунист Пономарев — широкоплечий, с красным вздутым лицом и осипшим, хриплым голосом, — косятся на него, при разговоре мурзятся, сторонятся и как будто ведут свой затаенный заговор. Это тревожило Жаркова, но он тут же отряхивался:

«Пройдет... Это же всегда бывает... Главное, масса стала иная — наша, приблизилась к нам», утешал он себя.

И к отчету вика делегаты приступили мирно, дали Кусмаркину на доклад времени столько, сколько ему потребуется.

— Только ты уж жалеючи, — прокричал в смехе делегат из Никольского, Шилов. — Время, знаишька, рабочее... Зимой мы бы тебе месяц: хочешь — валяй.

И на трибуне — старенький амвон — появился предвик Кусмаркин. Он волнуется, жадно глотает воду из стакана, затем выкладывает на кончик трибуны из портфеля кипы исписанной бумаги и, заикаясь и путаясь в написанном, приступает к отчету.

Читая, он сообщил с'езду, сколько у него (именно у него, потому что он говорил: «у меня в во-

лости») отделов, подотделов, кто каким отделом ведает, сколько было заседаний, предзаседаний, сколько и какие вопросы разрешались. Сколько было, есть и предполагается быть у него в волости лошадей, коров, овец, свиней и всякого прочего скота. Сколько с'едает виковская лошадь сена, и какие расходы идут на канцелярские нужды...

Жарков сначала внимательно вслушивался в доклад Кусмаркина... «У меня в волости» резануло его, но он вновь успокоил себя тем, что Кусмаркин еще не совсем опытный предвик, да еще больной.

Но чем дальше, тем все больше доклад Кусмаркина раздражал его, отбрасывал внимание в сторону, и он все чаще и чаще начал ловить себя на позевоте и думал:

«Скоро кончит... перетерпеть надо...»

Но Кусмаркин все читал.

Вот уже прошло сорок минут, а может больше... Может, год, два, три... От цифр у Жаркова начала пухнуть голова, появилась ломота в спине, ногах... Он невольно оторвался от доклада, посмотрел в зал... Задние ряды, коридоры нардома, где раньше стояли гости, опустели. По лицам делегатов видно — будто они все у себя по домам, в поле: пашут, месят лошадям, что-то мастерят в хозяйстве.

«Издевательство какое,— подумал Жарков.— С таким председателем пожить — удавишься».— И тут же забыл про эту мысль...

У окна наклонилось знамя — его так никто и не поправил.

На улице неимоверная тишина. Теплое ржаное солнышко светит в окно, в зале жужжат мухи, да кто-то в заднем ряду тихо грызет зерна... Глядя в окно, Жарков перенесся сначала за Бруски, потом в губком... Что-то там теперь? Вчера ему из губкома прислали шифрованную телеграмму — в ней

говорилось, что краском Сапожков перешел на сторону банд. Сапожкова он знал по фронту, и тем более было жаль его.

«Поймают — расстреляют,— думает Жарков.

А Кусмаркин читает, читает, читает...

Жужжат мухи, вертятся цифры, светит ржаное солнышко, колышется на улице марево. Забраться бы теперь на поветь да уснуть. Слюнки бы потекли... хорошо.

Наконец, кто-то не выдержал, вздохнул с выкриком:

— О-о-о-х! Инда изжога берет!

Дрогнули делегаты, засмеялись, закричали:

— Давай вопросами!

— Время рабочее!

— Не зима это,— кричит Шилов.— Зимой бы туды бы сюды.

— Да я эта... как его... только начал,— перебирая большим пальцем бумаги, говорит Кусмаркин.

●

Степан Огнев пришел на с'езд в тот момент, когда крестьяне в ожидании прений вновь забили нардом, а со сцены по отчету вика говорил Жарков. С первых же его слов было видно, что он обрушится на Кусмаркина и за форму его доклада и за работу вика.

— Вот если бы я,— говорил он, бледнея и тут же оправляясь,— с этой трибуны в течение полутора часов начал считать, сколько у вас рук, ног, волос на голове...

Делегаты и гости сдержанно смеялись.

— Мы пригласили Кусмаркина,— возвысил голос Жарков, увлекаясь вместе со всеми, как щепка в половодье,— для того чтобы узнать, как смотрит советская власть на наши нужды, какие она прини-

мает меры, чтобы устранить эти нужды... А он нам — о том, сколько сена за год с'ела у него в вике лошадь. А вот под боком у вика есть сельский совет. Этот совет, где председателем коммунист Пономарев, занялся самообложением, собрал по фунту с едока на селе на приобретение печати... Пустяковое будто дело. Но в Алае семь тысяч едоков, это семь тысяч фунтов, это сто семьдесят пять пудов хлеба. Сто семьдесят пять пудов хлеба за печать!

Делегаты сначала слушали молча, потом с недоумением, но когда Жарков сказал: «за печать сто семьдесять пять пудов»,— делегаты, гости, сам Жарков, члены президиума и даже Огнев разразились таким хохотом, что в нардоме задребезжали окна, а у Захара Катаева от смеха посыпались слезы, и он, вытирая их рукавом рубахи, выкрикивал:

— Вот головы... Вот работнички... Ух-хо-хо-о-о-о...

Жарков еще долго, прерываемый возгласами одобрения и хлопками, особенно со стороны восемнадцати, говорил о том, как надо было работать вику и как он плохо работал. Временами он чувствовал неприязнь от такого одобрения, раз даже сорвалось у него злое словечко и на сторону восемнадцати... Но, как спортсмен в беге, не обращая внимания на облачность в небе, стремится всеми силами достичь намеченной цели,— так и Жарков, стараясь не слушать одобрения со стороны восемнадцати, стремился выбить, окончательно распылить Кусмаркина.

Кончив, он отошел за кулисы. Сразу почувствовал нервную дрожь во всем теле и, вытирая пот, долгое время слушал громкие возгласы и аплодисменты, вызов его на сцену. Он не вышел.

В зале некоторое время было замешательство, покашливание, неожиданные взрывы хохота, потом слова попросил один из восемнадцати — Кирилл Митрофанович Чалкин.

Теребя борт поддевки, он говорил медленно, нерешительно:

— Ну, что ж, мужики, — глянул он в сторону своих, потом через головы делегатов на гостей: — Я, стало быть, молотьбу производил летось. Вот советская власть к машине идет. Ну и мы за машину, стало быть.

— Еще бы, — выкрикнул кто-то из делегатов, — не зря вас движками зовут.

— Пустых слов не принимаю, — отмахнулся Чалкин. — Ну, взял я машину у Кусмаркина... ну, четыре телеги обмолотил машиной — двадцать четыре пуда взял... Гляжу, в колосе зерно имеется... Лошадями катнул — еще шестнадцать пудов накатал. Разве это в порядке молотилки?.. Не в порядке они. Вик не в порядке их держит... в разруху полную привел молотилки... и двигателя там... По моему мнению, их хоть возвратить, что ль, аль что.

Сел. Но вслед за ним тут же выскочил другой — Кондаков. У этого животик круглый, бородка клинушком и говорит он прямо, без «что ль».

— Во-первых, двигатели и молотилки возвратить старым хозяевам — от этого будет большая польза и государству и пролетариату нашему, и товарищ Жарков говорил тут весьма справедливо: дурака на хорошую лошадь сажать нельзя, и вообще позор нам держать так драгоценности...

«Я этого не говорил», хотел было крикнуть Жарков. Но в это время из-за кулис вышел председсельсовета коммунист Пономарев, уперся в трибуну локтем, выставляя огромную изуродованную руку.

— Товарищи,— захрипел он,— вот вчера тут товарищ Жарков выступал и в своем докладе говорил, что он был в коммуне «Прогресс», и, когда он под'езжал, из коммуны кинулась на него стая собак... и что от коммуны поносом и вонью кругом на семь верст...— Чуть подождал:— Товарищи, собаки, как нам всем не секрет, на чужих только лают, на своих они не тявкнут.

— Вот безобразие,— запротестовал Жарков.— Это чорт знает что.

— А благородному носу,— хрипел Пономарев,— все кажется вонью. Конешно, нас духами не спрыснешь... такие уж мы... Оно хорошо в городе сидеть, грамотки писать и всякие там статьи.

— Эй,— крикнул Шилов.— О чем это ты понес?

— А о том, стало быть, что собаки лают на чужих. Понял? А тут приедут вот к нам, взбаламутят...

— Насчет печати ты... а-а-а-а!..

— Мало сто семьдесят пять пудов! Триста нады!

Гвалт, крик, гам. Пономарев что-то кричит, машет руками, вертит белками на красном лице, и только иногда сквозь гам прорывается его хрип:

— Хорошо указыват! Чужих нам не нады...

— Слово прошу,— крикнул Плакущев и, не дожидаясь, когда кончит Пономарев, расталкивая делегатов, подошел к сцене. Гам разом оборвался.

— Вот Пономарев,— начал Плакущев,— все мы знаем его... может, и как за честного коммуниста. Конешна, чужая душа потемки, говорят. А только одно, граждане, коммунисты те сели на золотое дно. Видали в поле еще после графа, какие кучи навоза навалены — миллионы пудов. А у коммунистов солончаки — вихрами по участку... Вот я иду раз — на меня тоже собаки накинулись. Чужой я, стало быть. Говорю председателю: «Чего

вихры навозом не уничтожите?» — «Да что, слышь, воды-то у нас пруд, а пива-то пуд».— «То-ись, мол?» — «А то — того не дозовешься, другого не докличешься... А волостная власть во-он она». Гляжу, а под кустом кто-то вдрызг лежит... Не ты это был, Пономарев?— неожиданно повернулся он к Пономареву.

— Голова у меня болела,— прохрипел из-за кулис Пономарев.

— То-то. У нас не болела ли у обоих — обоим нам в глаза блевотина около тебя бросилась... Вот на тебя, я так думаю, собаки уж не кидаются... На него уж, поди, собаки не лают.

Делегаты засмеялись.

— Свой человек.

— Вот-вот, человек он там свой, и вонь ему родная, а родная вонь не вонюча.

— Хо-хо!

— От себя идет — не чует.

На последние слова Плакущева Жарков засмеялся и в знак одобрения качнул головой. А Плакущев, точно грамотку, смял в рукав и отбросил в сторону Пономарева, таким же тихим шагом пошел дальше — развил перед мужиками вновь намеченную советской властью линию, указал на решение с'езда советов, с'езда партии, на память прочитал несколько выдержек из речей наркомов и все-таки подконец завернул к своим: предложил молотилки и двигатели вернуть старым хозяевам.

И не успел Плакущев кончить, как на сцену вылетел Барма — председатель волостного комитета взаимопомощи.

— Я имею слово к с'езду... Мне, председатель.

— Слово ваше.

— С'езд является — начал Барма,— вершителем судеб...

— Барма, не сорвись,— кричит Кондаков и сует клинушком бородки в спину делегата.

Барма вылупил глаза, перепуганным бараном глянул на Кондакова, на делегатов, потянулся рукой ко лбу...

— Ну, продолжай, продолжай,— глядя себе в ноги, кричит Кондаков — это я, чтоб не сорвался ты..

— Ну вот,— беспомощно развел руками Барма,— говорил: не прерывайте... Забыл,— тихо добавил он и ушел в задние ряды.

С'езд заржал. И в этом хохоте, в язвительных выкриках, в бурных аплодисментах Плакущеву, в репликах Конадакова Жарков вдруг увидел, что победа неожиданно стала переходить на сторону восемнадцати делегатов. Он быстро, сосредоточенно начал взвешивать создавшуюся обстановку и только тут почувствовал, что он и сам-то слишком увлекся по отчету вика и, пожалуй, своим выступлением больше сыграл в руку восемнадцати.

«Выступить, сейчас же,— думал он.— Но как защищать вик? Молотилки действительно валяются по гумнам, а двигатели разбросаны под сараем вика».

Но в то же время он видел, что надвигается неизбежный провал: с каждым новым выступлением делегаты с'езда все больше и больше клонятся на сторону восемнадцати, а в речах «движков» все ярче сквозит требование возврата частной собственности и осуждение политики советской власти. И когда перед делегатами выступил Плотников, ответственный секретарь волкома, и когда его, после первых слов о том, что нельзя обогащать зажиточную верхушку деревни возвратом двигателей, гамом согнали за кулисы, Жарков почувствовал, как нельзя изменить движение пушечного ядра. У него выступил пот на лбу, задрожал

в руке колокольчик, а ниже глаза на левой щеке забегали знакомые по фронту живчики.

— Захару Катаеву предоставляется слово,— проговорил он.

Но и Захара Катаева слушать не стали.

Жарков похлопал его по плечу и посмотрел на Огнева. Огнев нагнулся над Шиловым, с силой вытолкнул его из рядов, сделав знак Жаркову, чтобы он вне очереди предоставил слово Шилову.

— Слова прошу давно,— вскочил на сцену Шилов.

— Слово Шилову,— сказал Жарков, осторожно вписывая Шилова повыше Кержакова.

Шилов вышел вперед, и, видя, что «движки» собираются гамом сорвать его со сцены, сразу заговорил:

— Меня не перепугаете. Вы будете кричать, а я буду стоять и ждать, пока вы не наоретесь. До утра будете кричать,— стоять буду до утра. Ну-ка, а я сяду.

Он пододвинул к себе табуретку и сел. Восемнадцать делегатов притихли.

Шилов поднялся и, глядя на них, тихо заговорил:

— Что это вы? Как только с'езд, так вам непременно что-нибудь да вернуть. А? Эдак вы, пожалуй, скоро и последние портки с советской власти стащите, скажете: в портках-то ходить толку мало, греха много.

Первым засмеялся громко, раскатисто Захар Катаев, за ним еще несколько делегатов. Послышались редкие выкрики. Язвительные слова и смех со стороны некоторых делегатов, а особенно со стороны Захара Катаева, вспугнули «движков».

— Да вам...тебе хорошо,— крикнул Чалкин.— У тебя нитки не взяли. А у нас — трудом нажитое добро...

— Вам и обмолот в прошлом году,— вскочил Кондаков и сунул бородку вперед,— указали двенадцать пудов, а на нас накатили — село, дескать, центральное — двадцать...

Плакущев дернул за рукав Кондакова, но уже было поздно: ненужные слова были сказаны. Плакущев укоризненно постучал легонько себя по голове пальцем.

— А-а-а, вот как! — радостно подхватил Шилов.— Слово мое. А-а-а-а! Вас обижают! Который вот уж годок обижают! И молотилки-то у вас отбирали, и землю, и то, что на нас вот,— повел он рукой по всем делегатам из других сел,— на провинцию, так сказать, налогу меньше накатили, а вас и тут обидели... Граждане,— повернулся он к остальным делегатам,— мне не верьте, давайте им верить. Тут Чалкин первый говорил: он машиной четыре телеги обмолотил — двадцать четыре пуда намолотил, сам сказывал, а потом лошадями еще шестнадцать — это сорок пудов с десятины выходит. А обмолот им показали не сорок, а двадцать пудов. Это ли не обида? Как дурочка баба — пять пирогов в печку посадила, а вынула, сидит и плачет: горе какое...

Последние слова утонули в хохоте делегатов.

— С такой обиды умрешь,— кричал Шилов.— Да, кроме того, машиной ему удалось помолотить. Хлеба нет, а машину молотить взял — это тоже обида... А мы вот не обижаемся,— повернулся он к «движкам»: — рады по-вашему обидеться — машиной помолотить хлеб... да вот нет такой возможности обидеться — цепами и то нечего было молотить.

Тут уже случилось то, чего не ожидал не только Огнев, но даже и сам Шилов,— делегаты сел гаркнули на «движков». Это подхлестнуло Шило-

ва. Он уже не чувствуя себя одиночкой в тяжелом возу, взметнулся и пошел рвать направо и налево... Восемнадцать делегатов метнулись к нему, а он к ним и, стуча кулаком по ладони, бросал язвительные, колкие слова и колкими же словами оголял, стаскивая всякую покрышку с «движков».

Возбуждение росло... Делегаты повскакали с мест, и злоба кольями полетела на головы «движков»... Жарков тоже вскочил со стула, стучал колокольчиком, кричал, но в то же время чувствовал всю бесполезность своего вмешательства. По крайней мере ему показалось, что он колокольчиком призывает к порядку воду, которая неожиданно прорвала плотину и вот-вот готова смахнуть и разнести вдребезги мельницу.

— Сто-о-ой,— неожиданно разрезал гам голос Огнева.— Мо-е слово-о-о.— И, оторвавшись от лавки, он медленно зашагал на сцену.

Делегаты разом смолкли.

— Допрежь машины,— начал он медленно,— ну что ж. А потом дома — нардом вот Серебрякову вернуть,— обвел он рукой бревенчатые стены нардома,— да еще подштукатурить, штукатурка отвалилась. Ну что ж.

Все — не только делегаты, но и «движки» — были в недоумении. Что же он, Огнев: не то говорит за возврат, не то — против...

— А потом земличку — ну что ж, и ее можно. А потом скажут: мужик, шея у тебя зажила, а у нас седелки соскучились по твоей шее: давай мы тебе ее малость натрем. Терли ведь столько лет — зря ты нас стряхнул... Такой декреции нет,— вдруг резанул Огнев,— нет такой декреции, чтобы «движки» назад, да еще шапку перед ними прочь: извините, мол, оплошку такую допустили,

вас, господ, в разор разорили. Такой декреции нет. Не дадим такой декреции. У нас руки есть. Мы ща не забыли, как винтовки в руки брать.

А тут в зале — Жарков не мог разобрать, кто кому и кто на кого — все повскакали с мест, друг перед другом орут.

Жарков уже не хмурится, не стучит колокольчиком.

А Огнев долбит:

— Когда конь в гору воз вывез — ему нечего помогать. Помогают коню в гору. В гору воз тянули мы, настоящие крестьяне, у которых мозоли на руках. А вы? Вы прицепились, на возок хотите сесть... Не-е-т, не затем кровь проливали, чтоб пустить к себе на шею... Мы были большевиками, — выкинул он обе руки вперед, — и будем ими.

ПЕСНЯ О МЕТАЛЛЕ

Ал. Жаров

Слышите: грусть о металле
Льется по нашей стране:
— Стали. Побольше бы стали.
Меди, железа вдвойне...

— Мало. Повысить. Утроить
Хватку плавильных печей.
— Балок для новых построек.
Рельсы для новых путей...

Жадность к металлу вскипает
В наших просторных полях:
— Мало. Плугов не хватает.
Помните о тракторах.

О проводах для избушек...
Но не забыть о другом:
Мы ведь не можем без пушек
Укараулить свой дом.

Нужен нам красноармеец
Плетью для вражьих задир,
Мы без штыков не сумеем
Укараулить свой мир.

И в нарастающем гуле,
Там, где пока еще ночь,
Мы не сумеем без пули
Братьям восставшим помочь.

Будут куски нашей стали
Данью последней войне.
Слушайте:
Грусть о металле
Гулко звучит по стране.

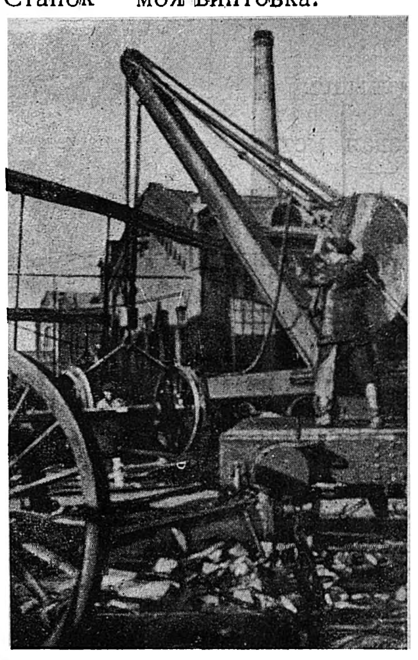
Плавьте, не зная досуга.
Пламя не гаснет в печи.
Пару полос для плуга,
Пару полос — на мечи...

Песня ударника

Мих. Андреев

Шурши, ремень,
Мотор, гуди,
Резец, пой песню звонко.
Ты, промфинплан, мой командир,
Станок — моя винтовка.
Машинных звуков
Перебор —
Как ветер у околиц.
Мы заключили договор —
Станок
И комсомолец.
Чтоб каждый взмах
Иль поворот
Без промаха был метким,
Мы не покинем
Наш завод
До новой пятилетки.
А сколько всех
Договоров
Комсомолята дали,
Спроси
У шахт иль рудников,
Иль справься на Урале.
Гремит борьба,
Как пушек ствол
В семнадцатые годы...
В огне рожденный комсомол

Не может быть
Холодным.
Ты, небо,
На землю взгляни,
Согрей планету солнцем.
Какая честь
Быть в наши дни
Ударником
И комсомольцем!
Шурши, ремень,
Мотор, гуди,
Резец, пой песню звонко.
Ты, промфинплан,—
Мой командир,
Станок — моя винтовка.

Новый рабкор

Гал. Томашевская

Мы день научились беречь
у станка.
Работа вулканными горнами
пышет,
И темпы
по лестницам будничных шкал
Взбираются
выше
и выше.
Метет из цехов
боевая метла
Нытье маловеров —
любителей паник.
Над мелочью каждой —
всевидящий глаз:
Не дремлет
рабкор-ударник.
И свежей заметкою
хвалится «стенка»:
«В бригаде Васильева
что-то
не так:
Летят впереди,
снижают расценки,
Но что ни деталь,
то почти что
брак».

Кто рад заметке,
кто бубнит, протестуя:
«Уж больно нюх у кого-то
востер».
Но больше всех
в цеху торжествует
Сам —
рабкор.
Ему пятьдесят
и даже с гаком,
И месяца три всего назад
Он в азбуке русской —
в тридцати с лишним
знаках —
Не мог понять ни аза.
Совесть заела:
«Ударник из первых.
Заслуг производственных —
целый взвод.
Но безголос, как судак,
а черви
Грызут потихонечку наш
завод.
Нам ли,
легко покоряясь судьбе,
Усугублять
вековую разруху?»
Он записался сам
в ликбез
И записал
свою старуху.
Над книгой ночами
плыла голова.
Век
тяжелели набухшие створки,

И понял он:
нужно буквы
в слова
Подгонять,
как детали
на сборке.
Мы день научились беречь
у станка.
Работа
вулканными горнами
пышет,
И темпы
по лестнице будничных шкал
Взбираются
выше
и выше.
Метет из цехов
боевая метла
Нытье маловеров —
любителей паник.
Над мелочью каждой —
всевидящий глаз:
Не дремлет
рабкор-ударник.

ПЕСНЯ О РЕШАЮЩЕМ ГОДЕ

С. Липкин и Арк. Штейнберг

Черный дым расстилается тучей.
Замирая, стучат молотки.
По стране —
Молодой и растущей —
Загудели тревожно гудки.
И седая громада Урала,
Камень-голову
В небо вперив,
Голосами гудков заорала:
В пятилетке
зияет
прорыв!
Стремглав несутся дни.
Плотней ряды сомкни,
Плотней ряды сомкни
Для нового похода.
Сомкни плотней ряды,
Встречай смелей труды.
Встречай смелей труды
Решающего года.
И в Донбассе в черные недра
Пробирается
Молча
Беда,
И в дыханье сибирского ветра
Недобытая стонет руда.
Криворожье, про это проведав,

Устремило внимательный взор —
На победных знаменах советов:
«Отстающим
заводам —
позор...»
Расползлась на железных дорогах
Червоточина в дело труда,
И молчат на мостах круторогих
Поезда...
Поезда...
Поезда...
Эй, ударники! —
Каждой декадой
Нам кричит производственный год,—
Состязаньем,
Буксиром,
Бригадой
Подгоняй отстающий завод.
Летунов,
Хулиганов
И прочих —
Кто примазался в нашу семью —
Мы лишаем их званья рабочих,
Им не место
В ударном строю.
Как стоит часовой неустанно
На границе
С винтовкой в руках,
До конца
Пятилетнего плана
Остаемся на наших постах.

Кулак

Вл. Маяковский

Кулака увидеть —
просто:
посмотри
любой агит.
Вон кулак:
ужасно толстый,
и в гармошку сапоги.
Ходит
важный,—
волосья
припомажены.
Цепь лежит
тяжелым грузом
на жилетке
через пузо.
Первый пьяница
кулак.
Он гуляка из гуляк —
и целуется с попами,
рабселькорами на память.
Сам
отбился от руки,
все мастачат —
батраки.
Сам,
прельщен оконным светом,
он,

елозя глазом резвым,
ночью
преда сельсовета
стережет
своим обрезом.
Кулака
чернят
не так ли
все плакаты,
все спектакли?
Не похож
на кулачество
этот портрет.
Перекрасил кулак
и вид
и масть.
Кулаков
таких
почти и нет,
изменилась
кулачья видимость.
Сегодня
кулак
и пашет
и сам
на тракторе
прет коптя.
Он лыко
сам
дерет по лесам,
чтоб лезть
в исполком
в лаптях.
Какой он кулак?
Помилуй бог,

его ль
кулаком назовем,—
он первый
выплатил
свой налог
и первый
купил заем.
А зерно —
запрятано
чисто и опрятно.
Спекулянта получше
на голодный случай.
У него
никакого батрачества:
крестьянин
лучшего качества.
На семейном положеньице,
чтобы не было
зря
расходца,
каждый сын
весною женится,
а к зиме
опять расходится.
Пашут поле им
от семи до семи
батраков семнадцать
под видом семьи.
Иной
работник
еще незрел:
сидит
под портретом Рыкова,
а сам у себя
ковыряет в ноздре,

ленясь,
дремля
и покрякивая.

То ли дело —
кулак:
обхождение —
лак.
Все дворы
у него,
у чорта,
учтены
корыстным учетом.
Кто бедняк
и который богатый,
где овца,
где скот рогатый.
У него
на одной на сажени
семенные культуры рассажены
напоказ
для начальства глазастого:
де,
с культурой веду хозяйство.
Но —
попрежнему —
десятинами
от трехполья
веет сединами.
И до этого дня
наш советский бедняк
голосит
на работе
«Дубину»,
а новейший кулак
от культурнейших благ

приобрел
за машиной машину.
«Эх, железная,
пустим.
Деревенщина —
сама пойдет.
Заплатит,
получим
и пустим».
Лицо приятное,
ласковый глаз,
улыбка не сходит с губ.
Скостит
в копейку задолженность с вас,
чтоб выпотрошить —
рупь.
Год-другой,
и округа
в кабалу
затянута туго.
Трут в поклонах
лбом онучи:
«Почет
Иван Пантелеймоновичу».
Он добряк,
но дочь-комсомолку
он в неделю
со света сживет.
— Где была?
Рассказывай толком.
Набивала детьми живот? —
Нет управы.
Размякло начальство
от его
угощения частого.

Не с обрезом
идет под вечер,
притворясь,
что забыл о вражде,
с чаем
слушает
радиоречи
уважаемых вождей.
Не с обрезом
идет
такой мужик:
супротив милиции
где ж им...
Но врагу своему
сегодня
гужи
он намажет
салом медвежьим.
И коняга,
страшась медведя,
разнесет
того, кто едет.
Собакой
сидит
на своем добре.
У ямы,
в кромешной темени,
зарыта
деньга
и хлеб
и обрез —
зарыт
до поры до времени.
Кулак орудует —
нечего спать.
Будем крепче, чем кремни.

Никаким обрезом
обратно и вспять
не повернуть
советского времени.
Хотя
кулак
лицо прикрасил
и пузо
не выглядит грузно,
он враг
и крестьян
и рабочего класса.
Он должен быть
понят
и узнан.
Там,
где речь
о личной выгоде,
у него
глаза на выкате.

Там,
где брюхо
голодом пучит,
там
кулачьи
лапы паучьи.
НЕ ТЕШЬСЯ,
ТОВАРИЩ,
МИРНЫМИ ДНЯМИ,
СДАВАЙ ДОБРОДУШИЕ
В БРАК.
ТОВАРИЩ,
ПОМНИ:
МЕЖДУ НАМИ
ОРУДУЕТ
КЛАССОВЫЙ ВРАГ.

Стальная поступь

(Поэма-отчет)

Саша Красный

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ МОССОВЕТУ.

ПРОЛОГ

Товарищ собранье,
Напряги вниманье,
Дороги минуты,
Время горячо.
Глаза и уши,
Глядите и слушайте
Великолепнейшую поэму —
Отчет.

Автор поэмы —
Московский совет.
Начало... Свет...
Отчет в скупых
Словах немногих,
В ожививших цифрах —
Сочинен.
Так называемым
Прологом
Мы представление
Начнем.
О стройке гигантской
Знать надо всем бы...
Сбросить скорей
Затруднений груз.
Тот, кто кричит
О снижении темпов,
Просто вредитель,
Подлец или трус.
    Нам не снижать,
    А темпы усилить...
    Строить и строить
    Еще и еще...
Чтобы с достоинством,
С честью носили
Мы знамя, завещанное
Ильичом.
    Ленинец — это в работе горение...
    Ленинец — это сила и мощь...
    «Крепите смычку
    Города с деревней», —
    Так говорил вождь.
От нашей работы
Враги в лихорадке...
Вся затряслась
Враждебная слизь...

Рабские темпы —
На обе лопатки.
Так, чтоб у мира
Поджилки тряслись.
Дайте дорогу,
Вы, ослабевшие...
Каждая новая домна,
Мартен
Смену готовит,
Как сталь подоспевшую...
Голову ввысь!
Отчеканивай темп!
    Вы все, кто трусите,
    На стройке вы не были...
    Рухнет, боитесь,
    Не сдержит, падет...
    В победу не верите...
    Иль вы ослепли?
    Дайте дорогу —
    Смена идет.
Э-эй, паникеры!
Где ж ваша удаль?
Иль слово застряло
И мучит до спазм?..
Иль вы подавлены
Большевистским чудом,
Помноженным
    на невиданнейший
Энтузиазм?

Появляется липовый депутат Иван Спячкин.

Спячкин. Вы, товарищи, как хотите, а я не ве-рю. Впрочем, молчу, молчу...

Рабочий. Кто вы такой?

Спячкин. Молчу, молчу...

Рабочий. Кто вы такой? Откуда вы взялись?

Спячкин. Вы разве меня не узнаете? Я — Спячкин... ссс...

Рабочий. А причем здесь «ссс»?

Спячкин. Это у меня такая привычка — ссс...

Рабочий. А вы... оппортунист?..

Спячкин. Зачем оппортунист?.. Ничего подобного... Совершенно наоборот.

Рабочий. То-есть как наоборот? Вы же не верите... Вы же...

Спячкин. Ну, вы этот свой левый загиб с правым уклончиком бросьте... Во-первых, я молчу, а, во-вторых, как это я не верю?

Рабочий. Вы же сами все время кричите: «не верю»...

Спячкин. Где я кричу?.. Наоборот, я все время молчу... (*Расстроенный.*) Ну вот... не понимает... (*К публике*). Ну, об'ясните ему, пожалуйста: я не то что имею неверие, занимаюсь неверием... нет, наоборот, я просто не имею веры... Не занимаюсь тем, чтобы верить. Понимаете — ведь это же разница...

Рабочий. Никакой разницы! Оппортунист чистейшей воды.

Спячкин. Ну вот, так-таки уже и чистейшей... Приклеили ярлык «оппортунист», «оппортунист»... А какой же я оппортунист?.. Я заведующий самоснабжением, да-с, член профсоюза с семнадцатого года, номер билета 1782, член кооператива «Коммунар», член Осоавиахима, член МОПРа, Друга детей, член Общества друзей оперной студии имени Станиславского... Членские взносы плачу?.. Плачу. Жалованье получаю?.. Получаю (расчетная книжка № 89), значит работаю... работаю...

Рабочий. Вот это-то и плохо, что работаете без веры в то, что делаете...

Спячкин. А что ж прикажете — верить не работая?..

Рабочий. Нет, работать, но работать с верой в победу социализма. Отсюда и трудовой энтузиазм и повышенная энергия.

Спячкин. Так я же член Моссовета, о моей энергии не может быть и речи...

Рабочий. Вот кстати, может, вы нам расскажете, как вы работали в Моссовете?..

Спячкин. Вот чудак! А зачем же я сюда пришел, как не за этим, ведь я же все-таки депутат. Только я неважный оратор, практики мало... Так вы уже того... не будьте требовательными.

(*Поет*)

ОТЧЕТ ДЕПУТАТА ИВАНА СПЯЧКИНА О НЕПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ

Депутат я — Спячкин Ваня...
Попросил меня завод
К перевыборной кампании
Сделать деловой отчет.
Я — за самобичеванье:
Самокритику любя,
На сегодняшнем собранье
Сам здесь высеку себя.
Я устал, я не из стали —
Все, гляди, уклон пришьют.
Что за темпочки настали —
Уклониться не дают.

Я — ударник. В прошлом году
Охватил меня порыв...
И на собственном заводе
Не заметил я прорыв.
Я живу в блаженстве тихом,
Дома тихая родня,

На заводе же шумиха,
На заводе беготня.
Спорят все о промфинплане,
Спорят с пеною у рта. (*Спокойно.*)
Но касается ли Вани
Заводская суета?

Депутатское призванье
Я принизить не хочу —
Заседанье, совещанье
Ни одно не пропущу.
Чтобы не было сомнений,
Мысли спорные гоню,
И среди горячих прений
Слова я не пророню.
Как в колхоз пошла отправка,

Я, не ссорясь, не крича,
В тот же день доставил справку... (*пауза.*)
От районного врача.

Я здесь ограничен строго,
В час доклад не уложить...
Лучше, чем сказать немного,
Ничего не говорить.
Все товарищи ведь знают —
Спячкин вам не подкачал,
Мне уклон не припаяют,
Потому что я молчал.
Заслужил я постепенно
Уваженье — не вражду;
Молчаливо и смиренно
Я премированья жду.

Оваций не надо... Мне некогда... Всего хорошего... С депутатским приветом. Да, чуть не забыл: честь имею вас поздравить с предстоящими перевыборами в Моссовет... Не забудьте фамилии вашего незабвенного депутата Спячкина... Оваций не надо, мне некогда...

Рабочий. За депутатов таких
Нужно взяться серьезно нам,
Спячкину хоть кол
Теши на голове.
Таких депутатов
За два года отозвано
221 человек.

РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО

(Отчет московской промышленности)

Цифра просто поведать хочет
Рост рабочих в красной Москве:
За 11 месяцев увеличилось рабочих
На 65 720 человек.

На Западе голодные за работой гонятся,
Безработицы ширится зияющий круг.
А советская власть ликвидировала безработицу...
Пятилетке не хватает рабочих рук.

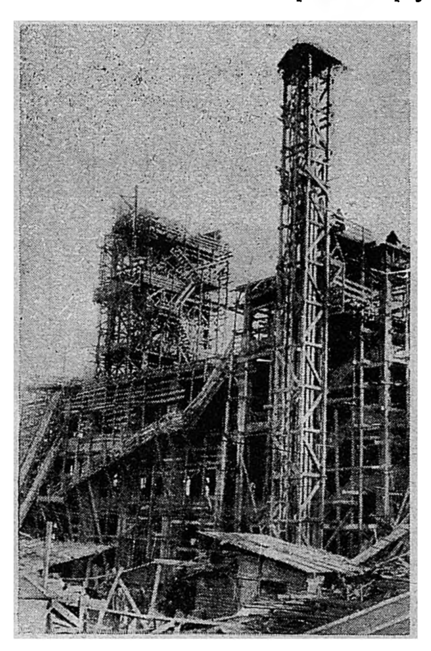
Стройка растет, стропила не шатки...
Подан сигнал — тревожен, кипуч...
По-большевистски, в ударном порядке
52 тысячи готовит фабзавуч.

Но пятилетка требовательна очень.
Фабрики, заводы, слушай подробности:
Пятилетка требует новых рабочих —
570 тысяч для одной нашей области.

Наша стройка энтузиазмом обеспечена.
Нужно, чтоб каждый энтузиазмом пылал.
Наша сила — это встречный,
Идущий из рабочих низов
Промфинплан.

Прочно пятилеткой
Расставлены вехи.
Опыт прошедших
Двух огненных лет
Делает эти
Наши успехи
Верным залогом
Грядущих побед.
Не лучше ль сказать
Краткой заметкой
И подытожить

Десятки статей:
Московская промышленность
За второй год пятилетки
Выпустила продукции
На пять миллиардов рублей.

Эй, товарищи, вот фактов ряд,
Факты сами за себя говорят:
Завод имени Лепсе.
Вот это завод!
Работа идет
По-ударному споро:
Завод Лепсе
За второй год

Дал сверх плана
Две тысячи моторов.
    Брать примеры
    С лучших пора нам.
    Вот лучшая поэма
    Большевистской были:
    Завод АМО
    Дал сверх плана
    280 автомобилей.
Сомневаться в пятилетке
Смешно и подло...
Какого неверам
Еще надо рожна?
Хапиловская фабрика
Сверх плана сработала
91 тысячу метров сукна.
    72 предприятия
    Справились отлично
    С поднятием производительности,
    Со снижением цен.
    Многие отстали,
    Но в общем увеличена
    Тяжелая индустрия
    На 50 процентов.
Довоенный уровень
Позади остался;
Цифры бьют
Упорно и метко;
Выпуск продукции
Значительно поднялся
По сравнению с первым
Годом пятилетки.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЫРОСЛА НА 59,9 ПРОЦЕНТОВ.

ПРОИЗВОДСТВО СТРОЙМАТЕРИАЛОВ ВЫРОСЛО НА 56,7 ПРОЦЕНТОВ.

ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЫРОСЛА НА 69,6 ПРОЦЕНТОВ.

ПРОИЗВОДСТВО ТЕХНОТКАНИ ВЫРОСЛО НА 43,8 ПРОЦЕНТОВ.

ПРОИЗВОДСТВО ОДЕЖДЫ ВЫРОСЛО НА 42,6 ПРОЦЕНТОВ.

Песнью, поэт,
Достижения воспой-ка,
Пафосом будней
Сердца залей.
Благодаря экономии
На общесоюзную стройку
Москва дала
200 миллионов рублей.
Но на ряду с гигантской хваткой
У нас много трудностей, прорывов и недостатков.
Слушайте, слушайте, слушайте!
Эй, рабочий, сам себе не враг ты.
Как ты расцениваешь вот такие факты:
Моссиликат на своих заводах,
Из-за пьяниц, вредителей и рвачей,
За второй год пятилетки недодал
Полтора миллиона кирпичей.
Кожевники здорово подкачали тоже —
Сейчас еще больше сморщите лоб вы:
Недодали фабрики Москвокожи
Семьсот тысяч пар обуви.

ТВЕРСКОЙ ВАГОНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД ПРОМФИНПЛАН НЕДОВЫПОЛНИЛ НА 19 ПРОЦЕНТОВ.

МЫТИЩЕНСКИЙ ВАГОНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД НЕДОВЫРАБОТАЛ 13 ПРОЦЕНТОВ.

ЛЮБЕРЕЦКИЙ ЗАВОД ВСЛЕДСТВИЕ РЯДА ОБ'ЕКТИВНЫХ ПРИЧИН (ЦЕХОВЫЕ НЕПОЛАДКИ, НЕДОСТАЧА ИНЖЕНЕРОВ и ТЕХНИКОВ,

ОТСУТСТВИЕ ПОМОЩИ УДАРНИЧЕСТВУ И ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ СО СТОРОНЫ ИТС) АВГУСТОВСКИЙ ПЛАН НЕДОВЫПОЛНИЛ НА 50 ПРОЦЕНТОВ.

ПОСЛЕДУЮЩИЕ МЕСЯЦЫ УПУЩЕННОЕ НЕ НАГНАЛИ.

Скрывать о прорывах
Не хотим, не можем...
Многое мы еще
Не выполнили пока.
Рабочий, крестьянин,
Усилья умножим,
Реализуем обращенье ЦК.
В предсмертной судороге
Враг сопротивляется...
Нам нечего скрывать,
Откровенно скажем:
Наши трудности усугубляются
Косностью,
вредительством
и саботажем.

КРЕПИТЕ ПРОЛЕТАРСКУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ...
ВЫЯВЛЯЙТЕ ВРЕДИТЕЛЕЙ, ПРОГУЛЬЩИКОВ, РВАЧЕЙ.
ПО ДЕЗЕРТИРАМ И ПРОГУЛЬЩИКАМ ПЬЯНЫМ ДРУЖНО УДАРИМ ВСТРЕЧНЫМ ПРОМФИНПЛАНОМ.
БЕЙ ПО ПРИМИРЕНЦУ, БЕЙ ПО НЫТИКУ, СМЕЛЕЕ РАЗВЕРТЫВАЙ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ САМОКРИТИКУ.
НУЖНО НАВСЕГДА ЗАПОМНИТЬ ЭТО НАМ:
НЕТ МЕСТА В СОВЕТСКОМ БЫТУ ЛЕТУНАМ

УДАРНИКИ,
Выпало на долю нам
Огромный труд нести,

Но мы смотрим вперед
Уверенно и просто...
Нас не спугнут
Предстоящие трудности.
Наши трудности —
Это трудности роста.
Мчим электронами,
Обгоняя время.
Трудностей огромных
Много — не счесть...
Труд из зазорного,
Тяжелого бремени
Превратим в славу, в доблесть,
В геройство и в честь...
Обращение ЦК
Забило тревогу,
Чтоб дружным ударом
Прорывы скосить,
Лучший ударник,
Вставал на подмогу,
Всех отстающих
Взял на буксир.
Изобретатели,
артисты,
ученые,
Писатели,
поэты,
инженеры,
врачи,
В боевые бригады сплоченные,
Крепите примером
Великий почин.
Пусть обыватели
Наводят панику,
От лучей солнечных
Убегая в тень...

Мы будем работать
Не ударной кампанией,
А ударными темпами
Изо дня в день.

Слушайте, слушайте... Говорят факты...

В 1929/30 году в Московской области построено:

ДВА ЧАСОВЫХ ЗАВОДА МОЩНОСТЬЮ ВЫПУСКА в 3 692 ТЫСЯЧИ ШТУК ЧАСОВ.

ЧЕТЫРЕ КИРПИЧНЫХ ЗАВОДА НА 300 МИЛЛИОНОВ КИРПИЧЕЙ.

ЗАВОД СЛОЖНЫХ ЭФИРОВ С ВЫПУСКОМ ПРОДУКЦИИ НА 7 500 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОД НА 25 ТЫСЯЧ ТОНН МЫЛА.

ТУШИНСКАЯ БУМАГОПРЯДИЛЬНАЯ ФАБРИКА.

КУРОВСКАЯ УГАРНО-МЕЛАНЖЕВАЯ ФАБРИКА НА 10 520 ТОНН ПРЯЖИ.

И ТАК ДАЛЕЕ И ТАК ДАЛЕЕ...

С каждым днем оживает
Пятилетки карта,
Воплощается в действительность
«Несбыточная» мечта.
В историю войдет
Этот ударный квартал
Как величайший
Исторический
Этап.

Воля у нас из гранита высечена,
Пороху хватит на много времен,
Каждый день новые тысячи
Выковывает большевиков.

Дни пятилетки
Уверенно льются,
Побеждая поэзию
Всех прошедших дней.
Наша задача —
Мировая революция,
С каждым ударом
Мы приближаемся к ней.
Ударные дни,
Ударные годы,
Ударные — нефть
Сталь, железо, руда...
От ударных цехов —
К ударным заводам,
От ударных заводов —
К ударным городам.
Жизнь мы куем,
Где не будет трутней...
Э-эй, кузнецы,
Раздувайте меха,
Здравствуйте, ширьтесь,
Горячие будни...
Домны, мартены,
Бригады, цеха...

ДАЕШЬ УЧЕБУ!

(Отчет Областного отдела народного образования).

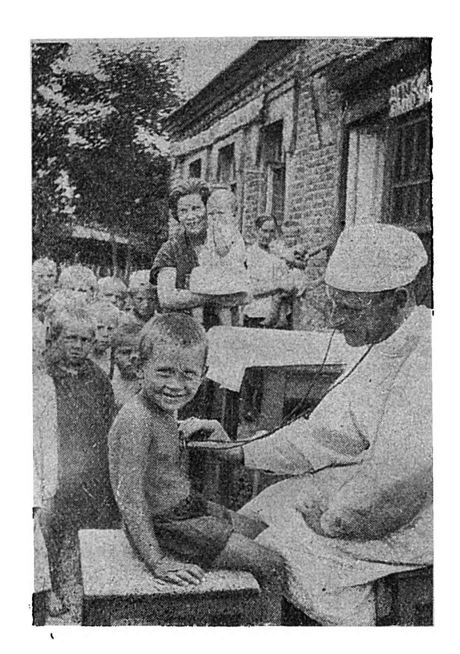
Пятилеткой дана
Большая задача нам.
Мы перевыполнили
Задачу эту:
На образование
Нами затрачено
Четверть всего
Московского бюджета.
В темпах мы
Не собьемся с тона.
С каждым годом
Темпы все выше...
В прошлом затрачено
80 миллионов,
А в этом году
108 с лишним.

Темнота и преступность
Всегда неразлучны.
Доложим просто,
Без всяких затей:
Через московские приемники
Пропущено
Семь тысяч пятьсот
Беспризорных детей.
    Растет и крепнет
    Учебы размах...
    Чтоб юность у невежества
    Вырвать из плена
    В двухстах шестидесяти
    Детских домах

Готовится двенадцатипятитысячная смена.

Кулацкая свора...
(еще жива она)
Скрежещет зубами
Все злее и злее:
За год на строительство школ
Израсходовано
Двадцать пять
Миллионов рублей.
    Вопрос орабочения
    Стоит в центре...
    Директиву партии
    Выполняем точно.
    Все школы,
                втузы,
                    вузы
    Орабочены
    На сорок и девять десятых
    Процента.

Сумеем ликбеза
Полностью добиться,
Выполним великие
Задачи эти.
Но нужно, во-первых,
Во-вторых и в-третьих:
учиться,
учиться,
учиться.
Нужно прогнать
Навсегда темноту...
Теперь неграмотный
Не ускользнет и сам от нас...
По всей области
На тридцать первом году
Окончательно
Ликвидируем неграмотность.
Нашему росту
Нет конца и края...
Растет пролетарий
Культурен и нов...
Крепим культобслуживание
Рабочих окраин,
Строим читальни,
Театры, кино.
Пятилетку выполним
В четыре года...
Гудели б заводы,
Колосилась бы рожь...
Выполним лозунг:
Даешь учебу!..
Учебу даешь!

В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ ЗДОРОВЫЙ ДУХ

(Отчет Областного отдела здравоохранения)

Медпомощью все население охвачено
В столице,
в поселке,
в районе,
в селе...
На здравоохранение за год затрачено
Сорок девять миллионов рублей.
С туберкулезом
Не легко бороться,
Но и туберкулез

Взят в тиски нами прочно.
По Московской области
Охвачено диспансеризацией
Около полутора
Миллиона рабочих.

Чтоб бойче работа
Шла на заводах,
Чтоб энергии
Набраться пуще нам,
Через санатории
И дома отдыха
Сто тысяч
Рабочих пропущено.

Еще эпидемий
Страшны угрозы,
Еще много для них
Благодатного грунта...
Но растет гигиена:
В колхозах и совхозах
Открыто пятьдесят семь
Медицинских пунктов.

Консультация обслуживает
Всех новорожденных,
Охрана младенчества
Поставлена прочно.
Число детских
Консультаций умножено:
С восемнадцати
До ста семидесяти точек.

Ребята у нас
В положении особом.
Ясли растут
Из года в год.
Число детских
Яслей увеличено

С девяти сотен
До тысячи пятисот.
    В борьбе с болезнями
    Профилактика главное,
    Забота о смене —
    Показатель роста.
    На должную высоту
    В здравотделе поставлена
    Охрана здоровья
    Детей и подростков..
Беспризорщина и проституция
В шоры берутся...
Разве могут быть язвы
Позорней и злей?
На ликвидацию
Беспризорщины и проституции
Затрачено за год
Полмиллиона рублей.
    Медпомощью население охвачено
    В столице,
                в поселке,
                        в районе,
                                в селе...
    На здоровье трудящихся за год затрачено
    Сорок девять миллионов рублей.

ДЕЛОВИТОСТЬ НА РАЗМАХ

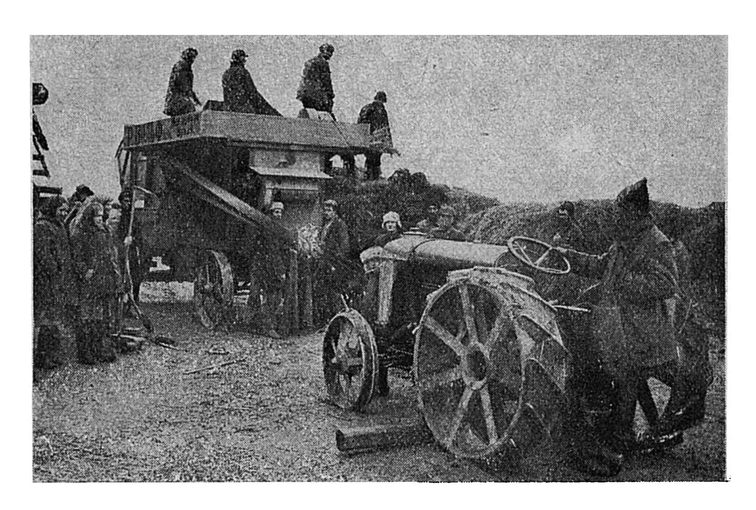
(Отчет о коммунальном строительстве).

Темпом стройки
Бьем по оппортунизму...
Планы реконструкции
Четки и метки.
Неуклонно шагаем
К социализму
Стальной поступью
Пятилетки.
Москва... Изменились
Улиц лица...
Пафосом множится
Жизнь в Мосвкве.
Ежегодный прирост
Населения в столице
Сто двадцать тысяч человек.

Вскипает трамвая
Гигантский рост,
Вместо тысячи —
Две тысячи вагонов.
За отчетный год
Трамвай перевез
Пассажиров
800 миллионов.
Автобусное движение
Растет все шире.
Связаться с окраинами
Без них попробуй сам...
66 миллионов
Пассажиров
За год перевезли
Московские автобусы.
Стальными усилиями
Отсталость вытравим.
О потреблении воды
Вот бюллетень:
«Вместо прошлогодних
97 литров
Потребляем 109
В человекодень».
Чтобы ходить
Безопаснее ночью,
Чтоб на окраинах
Было светлей,
Там, где живет
Население рабочее,
Светят новых
20 тысяч фонарей.
Скажут эстеты:
Писать ли возможно,
Про самое грязное,
Что есть на земле...

А мы отчитываемся:
На постройку и ремонт
Канализации вложено
За год двадцать шесть
Миллионов рублей.
Волною строительства
Столица залита...
Ухабам и грязи
Форменный гроб.
Шестьдесят улиц
Оделись асфальтом,
За небоскребом
Растет небоскреб.
Заводы и фабрики,
Бани и ясли
Симфонией стройки
Друг другу вторят...
К концу пятилетки,
Поднажмем если,
То сразу шагнем
На столетье
В историю.
Москве пятилеткой
Приказание отдано:
Выше и выше
Темпы поднять.
Капиталистические
Нью-Йорки и Лондоны
Догнать
и перегнать.
Вздыбил план
Всю область бойко
И строительством потряс.
Против довоенной
Стройка
Увеличилась в пять раз.

Триста лет на месте топались
Тула, Серпухов и Тверь...
А теперь открыла область
Мощной пятилетке дверь.
Вот прошло всего два года —
В небо рвутся этажи...
25 водопроводов,
Автотранспорт, гаражи...
Новый ряд электростанций,
Строек всех не перечесть...
На всю жизнь в сердцах останется
Наша доблесть, слава, геройство и честь.
Вынесть трудности мы сможем
На мозолистых руках...
Деловитость мы помножим
На невиданный размах.

ЗЕМЛЯ КОЛХОЗНАЯ

(Отчет колхозника)

Товарищи трудящиеся,
Нам повезло —
В такое время
Жить и трудиться.
Позвольте колхознику
Несколько слов...
Расскажу вам, чего
Мы успели добиться.
    Буду краток.
    Задерживать не смею.
    Я не оратор...
    Скажу, как умею.
Бедняки и середняки
Поняли серьезно,
Что каждый из них кровно
С колхозом связан.

Число хозяйств,
Об'единенных в колхозы,
Увеличилось за год
В четыре раза.
Крестьянству работать
Сподручнее вместе,
Колхозом сподручней
Вертеть колесо.
Семья в прошлый год
Заработала двести,
А в нынешний год,
Почитай, семьсот.
Трактор сменил
Допотопную клячу...
Работа совсем
По-новому велась.
При стройке колхоза
Решать все задачи
Нам помогала
Советская власть.
Сдали хлебозаготовки
Процентов на сто...
Забыты слова:
«Мой», «моя» и «мое».
В нашем районе
Кулачеству — баста...
(*Неловко подыскивает крепкое слово*)
Все!

Доносятся звуки гармоники, пение частушек. Хор деревенской молодежи—колхозники, колхозницы—под лад гармоники поют и пляшут. Гулянка. Запевала — двадцатипятитысячник-комсомолец, весельчак. Хор после каждой частушки подхватывает припев.

Запевала. Раздувай меха, гармошка,
Дело я раздул на-ять.
И Антошка и Матрешка
К нам в колхоз идут опять.

Хор *(весело)*. Хорошо да хорошо,
Да это очень хорошо,
Хорошо да хорошо,
Да это очень хорошо.

Запевала. Вздумал поп давать советы,
Говорит: «Пожалуйста,
Для чего вам сельсоветы.
Выбирайте старосту!»

Хор *(насмешливо)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Тех, кто раньше нас душили,
Права голоса лишили,

Подняли лишенцы вой:
Поп, кулак, городовой...

Хор *(твердо)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Меньшевик, кадет, эсер,
Норовит в совет пролезть.
Кулакам один ответ:
Не пролезете в совет.

Хор *(смеясь)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Меньшевик, кадет, эсер,
Не сдадим вам СССР,
Вам местечко теплое
Приготовил в ДОПРе я.

Хор *(задорно)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Чтоб колхоз наш рос здоровым,
Нужен трактор нам дешевый.
В Сталинграде пущен в ход
Новый тракторный завод.

Хор *(серьезно)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Раздувай меха, гармошка,
Нам кулак не угрожай.
Нужен хлеб, овес, картошка...
Поднимаем урожай...

Хор (*улыбаясь*). Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Уважал единоличник
Нас за помощь и совет.
Мы своим трудом отличным
Покорили комитет.

Хор (*улыбаясь*). Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Доказали ясным фактом
Преимущество свое.
Агитировали: трактор,
И пшеница, и овес,

Хор *(радостно)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Я привез жене обновку,
Полсапожки хороши...

Сдали хлебозаготовки
С превышением большим.

Хор *(залихватски)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Я поставлю ультиматум
Нашим новым депутатам,
Чтобы выполнили враз
Нами даденный наказ.

Хор *(четко)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Запевала. Раздувай меха, гармошка,
Дело я раздул на-ять.
И Антошка и Матрешка
К нам идут в колхоз опять.

Хор *(залихватски)*. Хорошо да хорошо и т. д.

Пляски. Появляется красноармеец.

Запевала. Ребята, гляди, Митюха...

1-й парень. Откуда, браток?

Красноармеец. В отпуск... А вы все веселитесь?.. Дело хорошее... А вот как это у вас насчет просвещения, политграмоты, учебы?

Запевала. Не на последнем месте...

Красноармеец. Не на последнем... Нужно, чтоб на первом... А ку-кось, я вас проэкзаменую.

Голоса. Давай...

Хор. Ай, давай, давай, давай, не задерживай.

Голоса. Брось, ребята, давай послушаем урок политграмоты.

Красноармеец. А ну, кто скажет: какая задача важна до чрезвычайности?

1-й голос. Коллективизация сельского хозяйства и поднятие урожайности.

Каждый новый ответ дается другим участником с разных сторон.

Красноармеец. А о чем мы постоянно помнить должны?

2-й голос. Об индустриализации страны.

Красноармеец. Какое задание дано фабрикам, сельскому хозяйству и заводам?

Голос. Выполнить пятилетку в четыре года.

Красноармеец. Правильно. А что у нас в центре внимания?

Голос. Социалистическое соревнование...

Красноармеец. Молодцы!.. А чем помогут государству трудящиеся массы?

Голос. Подпиской на заем «Пятилетка в четыре года» и внесением своих сбережений в сберкассу.

Красноармеец. Вот это да... А что мы должны сделать непосредственно сейчас?

Голос. Ликвидировать кулачество как класс.

Красноармеец. Правильно. А каким образом произойдет эта ликвидация?

Голос. На базе сплошной коллективизации...

Красноармеец. Правильно... Политграмоту знаете... Еще один вопрос. Что может нам в нашем деле служить огромной помехой?

Голос. Как сказал товарищ Сталин: «головокружение от успехов».

Красноармеец. Еще один вопрос. Каков наш ответ на разные капиталистические и белобандитские происки и налеты?

Хор (*(речитативом)*. Ук-реп-ле-ни-е Крас-ной ар-ми-и и фло-та.

Красноармеец. Все это вы, товарищи, должны особенно помнить при перевыборах в сельсовет.

Хор *(речитативом)*. П-р-а-в-и-л-ь-н-о.

Красноармеец. А теперь, ребятки, можно и поплясать...

Красноармеец, окруженный крестьянами, показывает «класс» пляски.

ЗВЕЗДА ПЯТИКОНЕЧНАЯ

(Отчет красноармейца)

Был бы не полон
наш отчет,
Была бы незаконченной
поэма эта,
Если бы мы
не сказали еще
О тех, кто стоит
на страже советов.
«Воевать не хотим,
Но к войне готовы».
Белобандитов банды
Зашевелились снова.
Но за год передышки
Мы окрепли вдвойне...
Мы против войны.
Но к войне готовы...
«Ни одной пяди
Чужой земли мы не хотим,
Но и своей земли
Ни одного вершка не отдадим».
Мы против войны,
Но готовы к войне.
Всяким налетам вражьим
Дать мы сумеем ответ.
Мы неустанно на страже,
Товарищ Московский совет.
Нам тринадцать лет,
Мы не устали итти...
Кровью глубокий след
Выжжен на нашем пути.
Пусть над нами коршуны вьются..
Мы взберемся к ним и туда.

Для мировой революции
План пятилетний дан.

Частей света пять.
Коммунизм будет везде,
Во всех пяти сиять
Пятиконечной звезде.

П р и м е ч а н и е. Поэма-отчет рассчитана на инсценировку самодеятельными кружками. Текст, в зависимости от сил кружка, распределяется между участниками и руководителем.

Текст иллюстрируется экраном, киномонтажем или световыми картинами. В крайнем случае, экран заменяется плакатами. Темы иллюстраций должны быть тесно связаны с содержанием.

Содержание

25 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Московскому областному отделению Сектора книгораспространения Госиздата РСФСР — Москва, Кузнецкий Мост, 7; Сектору книгораспространения Госиздата — Москва, Центр, Богоявленский пер., 4, и во все магазины и отделения Госиздата.